

Юстасия Тарасава
А потом будет много мимоз...

https://litres.ru/74902522
SelfPub; 2026

Аннотация

Мысли мамы солдата...

Вот уже несколько лет писательница Юстасия Тарасава — мама добровольца, её сын на фронте.

По просьбам читателей, в этом сборнике объединены 43 эссе, ранее опубликованных автором в социальных сетях. Теперь нужное произведение легко найти по оглавлению.

Содержание

А потом будет много мимоз	4
Уважение	9
Всегда и везде	15
Война как рак	17
Сыну	26
Это очень просто	33
Луганск — Счастье	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Юстасия Тарасава
А потом будет много мимоз...

А потом будет много мимоз

с нежным ароматом! Жёлтые и розовые мимозовые парки. И цветущие абрикосовые сады. И персиковые деревья в благоухающих цветах. И апельсиновые рощи. И кумкватовые, лимонные, мандариновые, гранатовые — любые сады. Когда они цветут, весной? Я не видела никогда. Давно хотела увидеть цветущие фруктовые рощи и дышать ими. И лавандовые поля до горизонта, поехать в Крыму посмотреть море лаванды. Как-то не случилось.

У меня список — целая тетрадка. Что я буду делать. Куда поеду. С кем повстречаюсь. Что приобрету. Потом. После войны.

Это не синдром отложенной жизни. Это — понимание, что если сейчас я куплю билет до мимоз, то потом всю жизнь буду думать, что на эти деньги можно было спасти, можно вложиться в тепловизоры, рэбы, мавики, квадроциклы,

нефопам, жгуты, лекарства... Инвестировать в жизнь!

У меня не будет на майские никаких поездок. И летом. Только по работе или лечиться. Как и в прошлом году. Как и в позапрошлом. Этой весной никаких шашлыков, никаких новых платьев и босоножек, никаких необязательных покупок. Я могу мало, но это больше чем ничего.

Можете возразить: «Тебе легко говорить, ты не ешь мясо, не ешь помидоры и огурцы, не ешь лук, не ешь соус, не пьёшь алкоголь — тебе без разницы делать ли шашлыки. Или кафе — ты же не ешь сладкое, тебе не нужны пирожные, торты, латте, шоколад, мороженое. Ты-то ничего не теряешь!». Мне легко, это верно. Пару лет назад я сделала выбор жёсткой аскезы — и стало легко. Я ничего не теряю, потому что для меня это не ценность. Для меня ценность не это. Не что, а кто.

Весна, тепло, погода, природа, хочется жить! А ребятам на фронте — не хочется, что ли?! Вот вернутся, тогда и будем праздновать.

Воюют разного возраста бойцы, много подростков. Они бы тоже хотели глаза ладошками закрыть и всё, войны нет. Но она есть. И у них там ни майских, ни латте. Против наших уставших и недостаточно оснащённых ребят — технически

богатые наёмники. Такой вот подарок к 9 Мая, под завесой разговоров про мир.

На каждого подростка, которого я лично знаю и жду с войны, у меня припасено по бутылке шампанского праздновать его возвращение — четыре ящика. Не обязательно пить, можно их просто облить. Дело же не в напитке, а в том, что я их жду! Я хочу праздновать, а не поминать. Но и это придётся…

Сколько ребят... Господи, сколько ребят не успели увидеть мимозовые сады, лавандовые поля, фруктовые рощи в цвету! Моря, горы, леса, города. Не прочитали книги, не посмотрели фильмы, не услышали музыку. Не познакомились с друзьями, жёнами, не родили детей. Или познакомились, встретились, родили, но не вернулись с войны их вырастить.

Разговоры про мир не тождественны миру. До настоящего мира ещё нужно дожить. Читаю новости — нет никакого мира. Читаю сообщения с фронта — там ещё хуже война, кульминация!

Потом пойдёт на спад. Не на завершение, завершится нескоро. Но наконец-то ребята вернутся домой! К родителям, детям, жёнам, братьям, сёстрам, друзьям, учителям, коллегам, к врачам, к своим делам и мечтам.

Лишь бы вернулись!!!

О чём мечтают в аду, в огне, в холоде, в голоде, в крови, в грязи, в беспросветном кошмаре? О доме? О мирном небе без дронов, сбрасывающих взрывчатку, без сжигающих дотла «баб яг»? О том, чтобы, простите, спокойно пойти в туалет без риска быть убитым? Чтобы ходить по земле без мин, чтобы просто идти или ехать, не боясь взорваться? Чтобы вымыться, в ванне чуть-чуть полежать? Чтобы выспаться долго-долго, без всяких обстрелов? Чтобы звуки прилётов слышать только в кино?

Я сквозь сон услышала за окном тарахтенье мопеда, инстинктивно скатилась с дивана и унеслась в ванную босиком. Потому что рванёт же. Потом поняла, что звук транпорта курьера похож на дрон-камикадзе. В тот день шли массированные атаки беспилотниками в области, где я жила. Нельзя подходить к окну проверять что за карлсон там прилетел. Я на фронте ведь не была и могу перепутать. А ребята знают все виды смерти. Сейчас происходит разделение человечества на два разных вида — тех, кто понимает что такое опасность, и тех, кто нет. Тех, кто спасает, и тех, кто считает, что это не их война.

Война не только там, далеко, а прямо здесь, где бы вы ни были. Война везде. Когда живут будто «войны нет», я не по-

нимаю — откуда у людей, которые «меня не касается» такая уверенность, что война пощадит их и их близких? «Это не моя война» — а война об этом знает? Если войну отменить лично для себя — она что, никого не убьёт?

Мимоза на фото ненастоящая. Я не сразу это поняла, хотела вдохнуть аромат, а она пластиковая. Сейчас много ненастоящего, пластикового. Еда, вещи, люди...

Но, слава Богу, есть настоящие люди, благодаря которым больше наших ребят вернутся живыми!

Потом будут настоящие мимозные парки, цветущие фруктовые сады, лавандовые поля. У меня необъятный перечень дел и желаний. На после войны.

Чтобы он наступил уже, этот настоящий мир, надо и нам быть настоящими! Прямо сейчас! Решающая битва происходит прямо сейчас.

Любая посильная настоящая помощь фронту — считайте, что вы лично мне помогли!

Моим подросткам.

Они мечтают вернуться и родных обнять…

Уважение

С тех пор, как Чернышевская открылась после ремонта, мои маршруты чаще всего проходят через неё. По Кирочной через Таврический сад и Суворовский проспект, или по Шпалерной мимо оранжереи и дворца, через площадь Растрелли и оба Смольных (собор и правительство). На Тульской, Новгородской и близлежащих улочках в будние дни не протолкнуться сквозь толпы мигрантов, в этом районе им выдают документы, здесь всегда тесно на тротуарах, шумно от разговоров на непонятных языках, хотя сдают они, судя по табличкам на зданиях, экзамены на знание русского. Эту часть пути я пробегаю бегом. А на предыдущих (или наоборот, последующих, смотря в каком направлении идти) улицах неспешно гуляю и наслаждаюсь прогулкой, это довольно уютный район.

И каждый раз в радующей глаз картине сердце и душу пронзает быстрый, но разрывающий сознание штрих. Что-то вроде незначительное, но неимоверно значимое. Например, жду на Суворовском зелёный сигнал светофора, а возле пешеходного перехода мужчина в камуфляже рывками запускает с пульта игрушечный танк с российскими флагами на корпусе, и плачет — выключает, вытирает слёзы, и снова включает, и снова... И это так непоправимо больно, и сразу

ясно, как же им Там не хватало настоящей российской брони, или в настоящей российской броне сослуживцы или родные погибли. Это не выразить словами, его лицо молча рассказало дичайшую драму, которую ни один актёр никогда не сможет сыграть. Загорелся зелёный, я перешла дорогу, и этот образ унесла с собой, с этим жить.

Там госпитали, поэтому концентрация гуще, но и в других районах, во всех районах я вижу этих ребят. В гражданской одежде их узнаёшь по глазам, по лицу.

А часто и по походке. Они стоят передо мной на эскалаторе, в обычной одежде, а мимо небрежно пробегают пассажиры, и только потом, по осторожным протезным шагам понимаешь, как трудно им уворачиваться от толкающихся торопыг. В вагонах эти парни обычно стоят, им не уступают места, делая вид, что не замечают, а они не просят. И по улицам ходят почти как все, даже и не заметно, пока не подует ветер и штанины не подчеркнут. Я каждый день вижу этих ребят, они ходят в магазины, гуляют с собаками без поводков, ездят в метро. Живут, как все. Только они — не все. Они герои. Неважно, есть у них орден и медаль Героя или нет. Они все герои. Все, кто вернулся и не вернулся, целый или нецелый — каждый из них герой.

Мы живём в эпоху героев. Вряд ли они хотели становиться героями, скорее всего, мечтали совсем об ином. Но вопреки

их желаниям и планам пришлось стать героями. Не бэтмэнами и капитанами американами, не железным человеком из комикса, а истинными титановыми и вольфрамовыми, самыми прочными Человеками. В нечеловеческих условиях. Это не диванные войска, которым, сидючи дома, всегда всё лучше знать.

Летом девушка везла на тележке парнишку, совсем молодая девчонка и совсем юный парень, не на инвалидной коляске даже, а на тележке, на каких возят грузы, лежачий пацан. И она так остервенело толкала перед собой эту тяжёлую металлическую тележку, а мальчишка так отчаянно вглядывался в прохожих, но все отводили глаза. Я переходила дорогу, спешила, до отъезда в аэропорт оставалось несколько часов. И до сих пор передо мной его взгляд, сожалею, что не остановила их, не догнала, не поговорила, не помогла. Нельзя отводить от них глаза, ничего постыдного в этих ребятах нет. Быть героем не стыдно. Больно, трудно, иногда несправедливо и неблагодарно, но точно не стыдно.

Стыдно за тех, кто не хочет понимать, что мировая война это единый процесс, разделённый во времени, и она не прекращалась, не было отдельной первой и отдельной второй, и сейчас не отдельная, а всё та же история.

Мне много пишут насчёт «Просыпаемся мы» — 80-летие

Победы же. И на этом контрасте переписок про рассказ о той войне и реальности про войну эту, я споткнулась об острую грань — уважение где? Где нормальное тотальное безусловное уважение к героям? Не в официозе, а в обществе.

Гражданская война сейчас тоже идёт, но идёт латентно, на идеологическом, культурном, информационном полях. И проявляются противоречия позиций уже не в спорах, хитренькие опасливо молчат либо мимикрировали и тщательно подражают поведенческим и социокультурным идентификациям. Но есть безошибочный маркер — отношение к героям. Все могут жалеть наших бойцов, это нормально, всегда жаль ребят, которые могли прожить жизнь совершенно иначе, противоестественно не жалеть. Но здоровая жалость вдохновляет помогать и неотделима от уважения к героям. Помогает ли человек и уважает ли — это и есть показатель. Фарисеи легко ведут себя жалостливо, но не могут уважать, и это просвечивает сквозь их слова и дела. Фальшивое уважение нынче модно, но оно отличается заметно, если быть внимательнее. Настоящее уважение нельзя сыграть, это другой психологический метаболизм, другой способ существования.

И ещё проблема. Уважать значит признавать ценность и достоинства человека, у нас давно и полномасштабно с этим беда. Есть много людей, которые не фальшивят, а в них сло-

ман сам механизм уважения, надломлен перестройкой, девяностыми, нулевыми и десятыми олигархическими годами. Они отвыкли, не помнят как уважать. Когда-то их мир поставили с ног на голову, ценности перевернулись, и в этом шиворот-навыворот мире уважение стало равняться деньгам и совсем не тем качествам, за которые в третьем-то тысячелетии стоило бы уважать. Они вспомнят, научатся вновь, сейчас неофеодализм изрядно треснул и человеческое начало прорастать. Уважать за поступки.

Мне кажется, все видят этот разлом вокруг — кто-то старается помогать, а кто-то живёт будто в другой стране без войны. Разлом тектонический, планетарный, все континенты разламываются. Это настолько громадный процесс, что мы в нём песчинки. Но нас же много! Мы можем менять!!! Мы везде, в разных регионах, и если каждый из нас капелька, вместе-то мы океан. Это наша страна. Это мы в ней живём. Это наш мир вокруг нас. Мы хотим уважение в обществе — и мы его создадим. Какую Россию мы хотим нашим детям и внукам?

Мы иногда в суете пробегаем мимо чего-то вроде незначительного, но безмерно значимого, забывая, что каждый день сдаём экзамен на человечность и не-предательство. И что в войне на идеологическом, культурном, информационном фронтах — мы все участвуем, хотим мы того или нет. Делая

или не делая. И никто, кроме нас.

Мне не нравится дефицит уважения в моей стране. Мы резко зауважали врачей в период пандемии, а потом снова забыли, что они рискуют жизнью. Мы не уважаем героев. Мы не признаём ценность и достоинства даже тех, от кого зависит наша жизнь. Это отнюдь не характеризует нас как разумное общество.

У меня скоро личный новый год и я сделаю его Годом Уважения. Я хочу жизнь уважения, а не год. Но с чего-то же надо начать. За год мы можем многое поменять. На бытовом уровне, рутинно, ежедневно, простыми маленькими поступками. Без пафоса, его и с трибун будет хватать. А вот на улицах, в транспорте, в магазинах, во всех ситуациях, где это возможно. А это возможно почти всегда и почти везде.

Всегда и везде

По дороге на вокзал заскочила в магазин за кефиром и на пути к кассе увидела парня, который из охлаждающей витрины клал в корзину продукты. Единственной рукой. Второй нет от плеча. Я уже почти пробежала, то смотря на пустой рукав, то отводя глаза. Но вернулась. Подошла к нему и заговорила.

Парень вытащил наушники, поставил на паузу телефон. Такие ребята постоянно в наушниках в людных местах, мне кажется — чтобы защититься от игнорирующего их социума. Спросила: «С войны?». Он кивнул. Чуть напряжённо — мало ли что посторонний человек начнёт предъявлять. «Можно руку пожать?» Растерялся, не ожидал. Протянула левую, чтобы он смог пожать. Во время рукопожатия сказала: «Ребят, вы герои, мы вами очень гордимся! Спасибо вам за всё! Простите за такое скотское отношение от страны, от общества — они позже поймут...»

После удивления его лицо мгновенно разгладилось — открытое, доброе, молодое, с трогательной улыбкой. Хороший российский пацан.

И всё. Никаких разговоров, уточнений где воевал, ничего

бередящего душу. Просто мгновение признания. Дальше я по своим делам, он по своим. Но эта минута сделала мой день, он точно прожит не зря. Надеюсь, его день тоже стал светлее и добрее.

Так мало. Всего лишь не пройти мимо, подойти и сказать. Конечно, всегда есть риск, что вернувшийся с войны воспримет раздражённо или пошлёт меня лесом. Но сколько подхожу к ребятам пожать руки — ещё никто не послал. Все реагировали одинаково — опешил, расплылся в сердечной улыбке, и часто слёзы в глазах.

Так много. Не отвести взгляд, поблагодарить, попросить прощения не за себя даже. Не быть скотом.

Это не только для них — для нас ещё важней.

Война как рак

Когда долго лечишься от рака, люди привыкают, что ты никогда не умираешь и что тебе не надо помогать — ты столько лет болеешь, а до сих пор живая, значит, твой рак какой-то несерьёзный, ты так активно живёшь, мероприятия в разных городах, всегда какие-то крутые проекты и мощные результаты. Выглядишь вполне здоровой, даже чересчур. Не ноешь, фоточки больничные не постишь, не драматизируешь. Можно наоборот, загружать тебя нагрузками, просить о помощи, а что, ты же всё можешь. Ты сильная, ты справишься. И контрольный «я в тебя верю» или «я тобой восхищаюсь» (это чтоб не помогать).

Бесполезно объяснять, что смертельные болезни не бывают лёгкими, а у лекарств тяжёлая побочка. И сильная ты потому, что неоткуда ждать помощи, но ресурсы давно исчерпаны, сил нет. Драматизма у тебя в избытке, но зачем его на всех вываливать? А проактивный образ жизни обусловлен необходимостью успеть сделать, нельзя откладывать на потом, которого не существует.

Как-то же живёшь, ну значит можешь, значит хорошо всё у тебя. А если не хорошо — значит сама виновата, значит плохо лечилась, плохо молилась и мышление непозитивное.

(Откуда такое повальное мракобесие в третьем тысячелетии, будто биологию отменили?)

С войною точно так же.

Они сильные, они там сами справятся. И вообще "это не моя война", "я пацифист", "я верующий человек и не могу помогать убивать" (а убивать наших парней и девушек бездействием — можешь), "меня это не касается", "меня это не интересует, у меня работа/отдых/отпуск", и так далее. Както же они там выживают, значит могут. А если не выживают, то "я-то при чём?" и "ничем не могу помочь". А если возвращаются искалеченные, то спокойнее отвернуться и смотреть в другие стороны, лишь бы не видеть боль.

Онкология и война очень похожи — системно разрушают организм человека и общества. В моём случае они совпали и хронологически — лечусь с 2014 года (первые две операции, полгода химиотерапии, потом несколько лет на лекарствах от рака), а в 2022-ом обострение (снова операция, потом три раза переделывали под местным наркозом, лечение продолжается ежемесячно и ежедневно, и конца и края тоже нет, будет ещё операция). Я онкопациент 12 лет, с сегодняшнего дня пошёл тринадцатый год лечения, неизвестно сколько ещё продлится. И мама солдата. Наверное, поэтому я остро понимаю, насколько истощаются ресурсы и пациента во вре-

мя лечения от рака, и той части общества, которая помогает во время войны. С каждым годом, с каждым месяцем, с каждым днём всё труднее обеспечить необходимое для выживания. Приходится во многом себе отказывать, но этого всё равно недостаточно, возрастают дополнительные траты на нейтрализацию побочных эффектов. Онкология и война сжирают всё у тех, кто внутри ситуации.

Война и рак очень похожи, но война страшнее. Не потому, что у меня какой-то особенный "лайтовый" рак — нет, он просто невосприимчивый к химиотерапии, а поведение моё зависит не от диагноза, а от характера. Война страшнее потому, что я могу хоть как-то влиять на лечение, у меня есть минимальный выбор. А с войной выбора нет и влиять труднее, нужны усилия всех людей, всего общества, а не 7% помогающих. По приблизительной оценке специалистов, занимающихся проблемами участников СВО, примерно 5-7% бизнеса помогают фронту. Остальные живут в своих пузырях, где нет места войне. "Нет места войне" — сверхнаивная установка, учитывая, что война давно уже везде. Я никого не осуждаю, просто констатирую — большинство предпочитает "сгорать" на пляжах, жить в своё удовольствие, отдыхать, сидеть в кафе, не думая о том, что в это время кто-то сгорает от дронов или погибает от непрерывной усталости и жажды.

Недавно разговаривала с сыном: «А броник где?» —

«Сгорел» — «Как сгорел, он же был на тебе?!». Бронежилет всего лишь вещь, а сгорают люди. Не от солнца, а от взрывчатки. Сгорают совсем…

И с каждым разом всё трудней купить бронежилеты, РЭБы, жизненно важные снаряжение и оборудование — это непосильные расходы. Не имеет смысла устраивать дискуссию, что это обязанности государства и минобороны, реальность такова, как она есть. На поддержке близких и волонтёров держится слишком многое. А они просто люди, не по силам столько лет тянуть, но тянут на себе — потому что некуда отступать, своих не бросишь.

У моих двух главных лекарств от рака в числе прочих осложнений сильная депрессия — это не когда грустно, а когда физически нет сил жить. Химически и биологически депрессия у меня, конечно, есть, я живу через неё, антидепрессанты мне нельзя из-за несовместимости с другими препаратами, так что на силе воли преодолеваю. Уверена, что и на фронте, и у волонтёров тоже неслабая депрессия, но им не до неё — нет возможности и некогда лечиться. Выгорание сильнейшее, но продолжают делать всё равно, потому что нельзя отдохнуть. Не сверхвыносливые люди, они не родились такими, а стали принудительно. У войны нет выходных.

Выходных от рака тоже нет, в этом опять схожи. Война, по

сути, это тот же рак. Только на войне, в отличие от защитных клеток организма, защитники часто погибают. Для выздоровления от онкологии нужен крепкий иммунитет, объединение всех сил на выздоровление. Наше общество не объединено, разобщено — это значительно снижает способность сопротивляться разрушениям войны. Кто-то отдаёт последние копейки на помощь, а сам голодает. Кто-то живёт, как не в себя, пир во время чумы. Нет единства, нравственный раскол.

На днях в поезде наблюдала жизнь — в Ростове-на-Дону в соседнее купе занесли маломобильного пассажира, как теперь говорят. Инвалида. Парень на обезболивающих сначала возбуждённо звонил сослуживцу: «Братан, меня комиссовали, отправили домой. Завтра буду в Москве, братан, из Шереметьево рейс вечером, приеду к тебе в госпиталь! Скажи как доехать, братан?». Собеседник, видимо, уже прошёл этот путь и понимал, что приехать к нему не получится, но отговаривать не стал. Приехать к товарищу в больницу — это из другой жизни, в которой ещё были ноги. А теперь зависит от сопровождающих, а их задача с поезда в аэропорт привезти, а не разъезжать по городу. Какое в госпиталь, если до туалета дойти невозможно. Только лежать и слушать песню «Здесь нет имён, здесь только позывные» («Земля дрожит. И небо рвётся в клочья. Вчерашний друг лежит, укрытый ночью. А я живой. Пока ещё живой. Иду вперёд, ведомый тишиной.

Затишье между взрывами повиснет, напомнив о давно забытой жизни, где пели птицы, а не скрип ремней, где мать ждала у стареньких дверей. Здесь нет имён, есть только позывные. Врагов здесь нет, есть цели огневые. И сердце, сжатое в холодный ком, стучит одно: «Вернуться бы в свой дом». Я здесь, чтоб сын не знал, как пахнет порох, как стынет кровь в промёрзших коридорах окопов, ставших братскою тюрьмой для тех, кто не вернётся в дом родной. Но снова грохот, копоть, дым и пламя. И чьё-то молодое пало знамя. И я встаю, сжимая автомат — простой, безликий, выживший солдат. И я не помню, как смеяться надо, как пахнет хлеб, как зреет гроздь в садах. Я помню лишь команды и приказы, и как свистят осколки в двух шагах...»)

И в Ростове же в моё купе сел другой пассажир, ровесник комиссованного, но его полная противоположность — лощёный, стильный, с барбершопистой бородкой, в модных вещах. С неизменными атрибутами — ноутбуком и кофейным стаканчиком в руке. Жалующийся провожающей девушке: «На фактчекинге я сломался». Обильно пересыпающий речь планктонно-офисным жаргоном. Возможно, его работа действительно важна, но выглядел карикатурно, как утрированный шаблонный персонаж из плохого кино про столичных жителей.

И в этом же вагоне при мне шёл разговор трёх пассажи-

ров — мужа, жены и их попутчицы. Довольно молодой муж, около сорока лет, сообщил, что ему присвоено звание ветерана военной службы, это как для гражданских ветеран труда. Попутчица сказала, что у него опасная работа, в стране же война. «У него бронь, но если будут отправлять — не пущу!» — категорично заявила жена. «Куда?» — уточнила попутчица. «Туда!» — кивнула в сторону купе инвалида жена. «С двадцать второго года, как это началось, просто жесть!» — сказал муж. «Так началось ещё в четырнадцатом», — поправила попутчица. «Раньше это было незаметно, а сейчас просто жесть!» — объяснил муж. Попутчица замолчала, видимо, поражённая такой логикой, как и я. Незаметно. Вот оно что. «Было незаметно». Как же это мог не замечать военнослужащий в Ростовской области? Ветеран военной службы — наверное, офицер, присягу же давал. Как легко сделать незаметным то, чего не хочешь замечать.

Несмотря на разобщённость взглядов, есть нечто общее высшее, человечное. Принести инвалиду воды, купить ему еды не по его просьбе, а по своему велению сердца. Не заставлять героя, годами храброго под обстрелами, а сейчас лежачего больного, едущего без сопровождающих, унижаться просьбой вылить из бутылок, в которые ему приходится ходить по-маленькому. "Я не могу, мне брезгливо", "меня это расстроит". А что, в военкомате говорят: «Не брезгливый? Тогда на фронт. Тонкая душевная организация? Иди

домой!», да? Разве был такой выбор? Праведные женщины в платочках ехали в этом вагоне, но ничем ему не помогли. Слишком много фарисеев. А жизнь сейчас проверка — фарисей ты или нет?

Я какое-то время удивлялась, что мне никто не помогает, где же все те люди, которым раньше помогала я? А потом одногруппница сказала: «Ты пиши, я читаю твои посты, та-а-ак интересно!». Моя борьба за жизнь для кого-то развлекательный контент.

И с войной такая же история. Прочитали как всё страшно у других, сравнили в свою пользу своё благополучие на фоне чужих катастроф. Убаюкали себя разговорами о скором мире — а где он, этот «мир»? События всё объясняют лучше слов.

Я не боюсь онкологии, чего её бояться, я в ней живу. Среди наиболее частых побочек от моих лекарств — инфаркты и инсульты, я этот опыт уже получила и мои шансы умереть от рака меньше, чем от сердца.

А вот войны боюсь. Которую не замечали и она разрослась метастазами по всей стране. И усиливается.

Сын сказал: «До следующего года меня не жди. Всё только начинается...»

Все мы едем в одном поезде. Все мы разные, но едем в од-

ном вагоне с инвалидами, вдовами, осиротевшими детьми, с родителями и женами, которые надорванными душами ждут своих солдат. И со всех нас отлетают маски, обнажая истинную суть. Ты поможешь или нет? А если поможешь — кому?

Ребята на фронте — это же соседи, родственники, друзья друзей, знакомые знакомых. Это и есть наша страна. Российское будущее — смогут они вернуться живыми или нет?

Я живая только по молитве. Как и ребята на фронте, зачастую единственное, что у них есть из средств защиты от тысяч бесконечно атакующих дронов — молитва. Сколько погибло с молитвами на устах…

А если поможешь — когда?

А у жизни всегда есть только сейчас.

Сыну

Мне 143 года, меня зовут Мария. Или 120 лет и Ефросинья я. Это мои прабабушки — мамы ветеранов, как и я.

Я живу здесь и сейчас сегодня, а чувствую то же, что и они восемьдесят с лишним лет назад. Разомкнулись вековые цепи, сквозь меня проходит время, нелинейное, как у Бога. Я внучка ветерана Великой Победы и мама ветерана третьей мировой.

И гражданской, которая вовсю уже идёт — со мной немало перестало общаться, именно потому, что я мать добровольца. Не жалею ни о ком, наоборот, рада, что они сами отвалились.

На днях перечитывала мои дневники за последние пять лет. В феврале 2022-го ты несколько недель лежал в реанимации с обострением. Я смотрела через стекло на тебя под бесконечными капельницами, худющего, сорокакилограммового — из еды тебе можно было только воду и компот. Врачи бились за твою жизнь, а я возвращалась домой и целые тетради исписывала, чтобы показать тебе потом мои мысли, ответы на вопросы, которые мы обсуждали раньше. Ты собирался уезжать на учёбу в другую страну, в конкретный вуз к конкретному преподавателю, и мы уже знали рас-

писание занятий. Врачи сказали тебе строго соблюдать щадящий режим несколько лет, вести санаторный образ жизни. Мы держались за руки, потому что тебя шатало от слабости, когда смог выходить подышать в больничный дворик. А потом началась война и ты выписался. В санаторий ты так и не съездил до сих пор.

Перечитывая мои дневниковые записи, я спрашиваю себя, могло ли что-нибудь быть по-другому? Если бы не переехали в Петербург. Если бы то, если бы это. Могла ли я повлиять, а если могла, то как? Смотрю детские фотографии — мы много времени проводили в Киеве, ты там ездил с дедушкой на рыбалку на Днепр и Десну, помогал ему чинить машину, играл с кошками под грушами в саду, смотрел телевизор на украинском, играл с приятелями на Пейзажке и Оболонской набережной. Наизусть знал Крещатик, Бессарабку, Лавру, Софию Киевскую, Михайловский Златоверхий, Десятинну церкву, Владимирский собор и Владимирску горку, Андриевский узвоз, Почтову и Контрактову площчи, Самсона, дом с химерами, Золотые ворота, замок Ричарда, будінок Булгакова, филармонию, Мариинский, Феофанию, Майдан, Радугу, зоопарк, Арсенальну, музеи войны, истории, Пирогово и другие. Киев — большой кусок твоего детства. Привычные ночные поезда из Москвы, граница, две таможни, и вот мы на нашей исторической родине. Мы годами ездили на литургии в Трапезну церкву с друзьями, которые в 2014

стали кричать нам "москаляку на гиляку", почему-то вдруг решили, что нас надо убивать. Ты раньше и лучше меня всё это понял, с детства наблюдал.

Ты всегда любил Одессу и Севастополь, он тогда тоже ещё не вернулся.

И вот тебе 25 сегодня. Всегда думала, что в 25 лет у тебя будет аспирантура и твои фильмы, кинофестивали, прокаты, твой московский кинематографический цех. А получилось вот такое кино... Я надеюсь, что ты вернёшься и снимешь свои сценарии. Режиссура фронтовика будет очень сильно отличаться, ты и раньше мощные истории создавал, а теперь закалённым булатом высечешь. Как же повторяется веками всё — твоя прабабушка, до того как уйти на фронт, выступала на сцене, была певицей и актрисой, а прошла медсестрой на передовой до Германии. Неужели и твоим правнукам придётся повторять этот путь? Ты там — чтобы война не повторялась, чтобы насовсем остановить.

Ты мог не идти. Конечно, мог. С твоим здоровьем. Но Ты не мог. С твоим характером.

«Господи, даруй моему сыну Владимиру и его сослуживцам маскхалаты, бронежилеты и дизель». Отрывок из ежедневной молитвы. Кто хочет помочь — помогает, за это я

им всем сердцем благодарна! Но помощь каждый день опять нужна — техника выходит из строя, снаряга тоже, сколько уже твоего всего сгорело, разбомблено фабами, танками, дронами, артой. Оружия, вещей, а самое страшное — людей... Сколько погибло на твоих глазах... «Что по РЭБу? На торпеде вот иконка все частоты покрывает, словно покрывало. Господи, благослови мою двустволку! Господи, храни всех молящихся под "мангалом"!» Когда ты вернёшься — сюда, к согражданам, которые не знают каково это отстреливаться от атакующих фипиви, "баб яг" и прочей смерти, не знают, каково не иметь чем отстреливаться, быть безоружным в голом простреливаемом поле, с минами со всех сторон... Когда ты возвратишься к обывателям, живущим будто ничего не происходит, словно нет никакой войны, — война к ним придёт позже, она ко всем неизбежно придёт в том или ином виде, избежать не удастся никому, ибо мир диффузен, — сними, пожалуйста, твои фильмы! Не для того, чтобы достучаться до них, это бессмысленно, худшим ругательством нашей бабушки-фронтовички было слово «бессовестный», и теперь я знаю почему. Сделай твои фильмы для себя, для твоих ребят, для всех, кто выживал в этом аду, и для кого «не ставил — не снимай, не клал — не поднимай» не просто слова. Для Акима с Ричем, саундтрек возьми. Для меня. Для мам Мурата, Ильи и всех погибших. Сними для всех, кто тебе помогал и будет помогать. Ты нужен, как и твоё творчество.

С тех пор, как ты стал подростком, я всегда желала тебе главное быть живым и, по возможности, здоровым и на свободе. Быть собой. В достигаторство мы же с тобой не верим, мы другими категориями живём. Просто будь, любым! Остальное всё ты сделаешь, ты умный, гениальный, отважный, мировоззренчески мудрый. С сегодняшнего дня, по мнению всемирной организации здравоохранения, ты не подросток, а молодёжь. «С кем по жаре и по холоду шли мы упрямо вперёд. Наша военная молодость — Северо-Западный фронт. Славой солдатской повитую с тех незапамятных дней, землю, с боями отбитую, мы полюбили сильней». Песни той войны и этой — единой, соединяющей тебя с прадедами-ветеранами, продолжающейся мировой, потому что на Западном фронте без перемен.

Ты мог выбрать другую юность и другую молодость — безопасную, беззаботную, комфортную. Без прилётов и обстрелов, без разлагающихся трупов, без битв за каждое здание и лесополку, без рассыпающихся от бомб в труху домов, в которых была твоя располага, без собирания по минным полям обломков вражеских дронов — зная, что так погибли твои взорвавшиеся товарищи, но рискуя от безысходности, ведь чем-то надо воевать. Ты мог бы жить без голода, без жажды, без холода, без сырой промозглости месяцами. Без нелеченных простуд и гриппов, без недолеченных ранений,

без контузий. Без бессонных ночей неделями, без ночёвок на бетоне и земле зимой. Без ежесуточных рутинных лишений и ужасов войны. Без надрыва сердца, ума и души.

Ты бы мог сейчас жить в Эдинбурге или в Казахстане, в Питере, в Москве, в Калифорнии, где угодно. Купаться в океанах и морях не крови и обугленных останков, а лежать на пляжах, отдыхать. Да много чего мог. Молодой, талантливый, красивый, юморной, начитанный, насмотренный, с шикарными перспективами. Ты что угодно мог. Но выбрал мужской смелый путь.

Я желаю тебе, Сын, мирного неба! И мирной почвы под ногами, без мин! И воды вдоволь, питьевой, обеззараженной! Ты сказал, что ты там до победы — пусть она наступит поскорей!!! Да, я помню, как ты говорил, что война надолго, до логического завершения. Уже дольше Великой Отечественной, а продлится несколько лет, на то она и мировая. И что самое большое противостояние ещё впереди, хотя сейчас 56 стран участвуют на стороне противника и кого из них ты только ни встречал.

Это земли твоих предков — до Алтая они жили в Курской, Белгородской, Черниговской, Полтавской. Земли твоих прадедов. Земли, по которым твои прадеды шли с оружием в руках. И ты идёшь. Ветеран и правнук ветеранов.

Нет другого пути. Если бы можно было иначе, ты бы сделал. Но по-другому никак.

Тебя ждут твои фильмы, книги, университеты — ждут, когда вернёшься и напишешь их, снимешь, наверстаешь. Ждут семья, друзья, все мы. Ждёт страна — Сибирь, Урал, столицы, Дальний, Север, Юг. Распоясался тут Питер без тебя. Тебя ждёт так много дел, которые никто за тебя сделать не может!!!

И санаторий, в который ты должен поехать с февраля 2022-го, тоже ждёт.

Это очень просто

— садишься на автобус на Обводном канале или Звёздной, и едешь. Сначала надо найти в интернете расписание рейсов, позвонить диспетчеру и забронировать, это обязательно. Накануне диспетчер должен уточнить, если звонка нет — лучше перезвонить самому, время отправления могут перенести на полчаса или час, а иногда и больше. И снять в банкомате деньги, оплата наличными. Привыкай, там почти всё наличкой. На остановке много парней в камуфляже, кого-то обнимают провожающие, целыми семьями, а неместные уже попрощались дома и теперь ждут в одиночестве. Всю дорогу на экране будет весёлый сериальчик, и сначала ты подумаешь, что это неуместно, а потом поймёшь, что это анестетик. Ехать больше суток, ты привыкнешь и тоже начнёшь смотреть. Во время технических остановок для перекусов и перекуров тебя удивят спокойная обыденность разговоров и шутки. За 30 часов ты будешь часто удивляться — Ленинградская, Новгородская, Московская, Тверская, Тульская — всюду безмятежность. До Ростова войны нет. До Воронежа. До Белгорода. До Курска. До Луганска. До Донецка. До КПП.

А после КПП — словно попал на съёмки фильма в жанре постапокалипсис. Местами руины, выжженные здания,

мёртвая земля. А рядом — новостройки и свежепосаженные огороды. А потом увидишь терриконы и вспомнишь, что разные народы в древности считали горы созданными великанами, и поймёшь, что так оно и есть — люди, которые создают горы, в самом деле великие.

А потом увидишь розы. Ты на месте. Это Город-роз-и-абрикосов. Донецк или Луганск, или Макеевка, Шахтёрск, Торез, Харцызск, Зугрэс, Красный Луч, Снежное, Антрацит, Мариуполь, Мелекино и все-все города, станицы, сёла, хутора. Ты будешь потрясён, а потом почувствуешь, что ты их любишь!

Это странно, непонятно — будто ты здесь был, будто бы здесь жили твои предки. Хотя точно знаешь, что никто и никогда из твоей семьи тут не был и проездом. А душою словно узнаёшь родное, словно возвращаешься домой. Это удивительное свойство Южной Руси — встроенность в нашу ДНК. Попадаешь туда и осознаёшь, что у тебя в составе крови не только эритроциты, лейкоциты, тромбоциты, а и реки Кальмиус, Лугань, Дон, Хопёр, Сейм, Северный Донец, много-много рек, озёр, лесов, урочищ — они все в тебе всю жизнь спали, а теперь проснулись, и эта древняя память активировала в тебе совсем другой гомеостаз в каждой клеточке и в каждой капле крови, лимфы или слёз. И в каждом вдохе, потому что воздух здесь другой. И ты теперь другой

— не просто гораздо лучший, а настоящий.

И останешься настоящим. Когда ты вернёшься обратно и выйдешь из автобуса на Обводном или Звёздной, или в Москве, не имеет значения, это одинаково везде, — обязательно кто-то будет не понимать и насмехаться над твоей любовью к старорусским землям, над твоим добровольчеством, над тобой. Но тебе это не будет важно, как скорлупа не важна птенцу, когда он из неё проклюнулся. Ты вырос. У тебя теперь другие интересы и другие планы на совсем-совсем другую жизнь.

Ты будешь скучать по терриконам, по цветущим абрикосовым садам и розовым клумбам, по людям, по невообразимой смеси прошлого и будущего, по чёткому пониманию приоритетов. Начнёшь видеть и ценить настоящее во всём. И благодарить за всё, что всегда было незначимым, привычным, незаметным. И даже в комендантском часе найдёшь плюсы — безопасность, тишину. И научишься планировать покупки, потому что доставки на Донбассе нет. И банкоматы не всех банков. И воды местами дефицит. И не только воды. И в быту бывает сложно. Но это не помешает тебе нежно и искренно любить южнорусские края.

Ты будешь радоваться, когда в День Победы на вокзал Донецка впервые за 11 лет придёт электричка — это и

есть победа! То, ради чего. Когда везде отстроят заново дома, школы, храмы, больницы, библиотеки, концертные залы, спортивные площадки. Заасфальтируют разбитые танками и взрывами дороги. На разминированных землях посадят леса, поля и сады. Это прямо сейчас происходит. Жизнь побеждает! Красиво и мощно.

И главное — не без твоего участия.

Луганск — Счастье

...Автовокзал Луганска меня поразил — это автовокзал моего детства, причём даже не барнаульский, а сельский, с маленькими дряхлыми автобусами (я и не думала, что такие ещё работают). Всё выглядело настолько старым советским, что я почувствовала дежа вю — то ли это современная столица республики, то ли деревенская автостанция где-нибудь в Шипуново Алтайского края лет сорок назад. Ошеломлённая, я глядела по сторонам — как на машине времени приехала! Все здания, рекламы, улицы — точь-в-точь как были в девяностых. Ретро-туры можно возить, для тех, у кого ностальгия по перестройке. Архаичный антураж, впрочем, вовсе не мешал городской жизни бурлить — автобусики шустро отъезжали, наполненные до отказа, и пешеходы тоже спешили по своим делам. Я шла с чемоданом, спрашивая дорогу у прохожих, и все, абсолютно все доброжелательно и подробно мне подсказывали путь. Я явно не местная — и говор не тот, и выгляжу, и не знаю куда иду, — и все до единого случайные встречные люди меня опекали, с первой минуты в Луганске и до отъезда. И не только меня, на Донбассе как бы берут шефство над приезжими, подсказывают, помогают. По подсказкам, без карты и навигатора, я добралась до гостиницы на убитом автобусе, с фанерками в некоторых окошках. С первых минут в городе стало понятно —

а каким ему быть, этому местному транспорту, если он совсем недавно под прилётами ездил, и поменять сейчас полностью автопарк не главная цель, есть задачи гораздо важнее. Зато люди в этом автобусе (и во всех следующих, и везде) очень заботливые, доброжелательные, словно я лично к ним ко всем приехала в гости. Я смотрела на попутчиков и на город в незаколоченных окнах — живой, работающий, наряжающийся, светлый, весенний, красивый, просторный.

Я видела впервые Луганск, но как будто его вспоминала, будто вернулась домой. Пыталась понять, на что он похож, на какой город — на Минск, на Энск, на Москву, на Киев, на Питер, на Ёбург, на огромный список... откуда это чувство узнавания и почему? Потом поняла — он похож на любой советский город, отстроенный после Великой Отечественной. Отстроенный грамотно, уютно и одновременно просторно, свободно раскинувшийся, с широкими тротуарами и дорогами. Впечатляющие здания, скверы, парки, газоны, клумбы — эстетика радует глаз. Не ожидаешь увидеть только что вышедший из войны город таким ухоженным, чистым, воскресшим, активным. Но Луганск правда ожил и живёт хорошо, и этой чудесной силой возрождения заряжает и вдохновляет, и в воздухе влюблённость в жизнь, которая здесь только становится мирной, спокойной, благополучной, и этим воздухом дышишь и наполняешься счастьем, — влюбляясь в Луганск. Его невозможно не любить!

Правильнее сказать — влюблённость в Донбасс, в него нельзя не влюбиться с первого взгляда. Со страшного взгляда — когда по раздробленной танками дороге проезжаешь разбомблённые сёла и города. После таможни в Изварино мне было жутко ехать мимо расстрелянных, сожжённых домов. Кошмарные, чудовищные пейзажи, но не на экране телефона, телевизора или компьютера, а в чьей-то реальной жизни, а теперь и в твоей. И когда это становится твоей жизнью, когда ты сопричастен, когда это твоё — это невероятно сильное чувство! После первой поездки в ДНР сын сказал, что Донецк теперь один из любимых его городов. Я удивилась тогда этой любви с первого взгляда, но в первый же день на Донбассе его поняла. Донбасс место силы, огромнейшей духовной силы. Едешь туда волонтёром, но это он помогает тебе. В сказках есть живая и мёртвая вода, а в жизни есть живые и мёртвые города, а на Донбассе сейчас вперемешку. Едешь по Луганску в маршрутке — по цветущему оживлённому Луганску, восхищаешься, радуешься, а через пару остановок ужасаешься, проезжая мимо мёртвых районов, выжженных промзон, а потом снова жизнерадостный расцветающий город. Воочию видишь, как смерть побеждается жизнью, война заживает миром, быстрей бы везде заживление произошло... И вот это живое и мёртвое выковало из Донбасса булатное, главное оружие — непобедимых людей. Они все тут герои.

***

Мой отель оказался в самом центре, Советскую улицу там зовут Улица Роз. И гостиница тоже превзошла ожидания — обычная гостиница любого российского города, стандартная командировочная. По донбасским меркам шикарная — тёплый номер с круглосуточно горячей водой. Я наконец-то впервые за двое суток сняла ботинки и не сидя спала. И подумала про Мишу и Диму, и про всех бойцов — я-то всего двое суток, а каково это не иметь возможности разуться подолгу. Каково сидя спать не тридцать часов, как я, а тридцать дней или триста. Каково это не в тёплый весенний день, а зимой в холод, осенью в слякоть, весной по раскисшей от снега земле, в землянках ночевать. У меня вон буфет на этаже, шеф-повар Валера домашней кухней потчует, а у них там... А смогла бы я? Выдержала бы? Подолгу по долгу. И эти дроны, эти проклятые дроны, все мальчишки, похоронки на которых я оплакиваю, товарищи сына, погибли от беспилотников…

Пришло сообщение от Миши — ребята встретили, поехал в Авдеевку. А мне позвонила Галина и пригласила гулять. Совершенно случайно я выбрала гостиницу рядом с её работой. Совпадения продолжались, щедро пополняя копилку впечатлений.

Гулять по Луганску — не могла остановиться! Три круга

по центру, сначала с Галиной, а потом одна, трижды прошла по Советской в обе стороны, довольно далеко. Никак не наглядеться на город, на сияющие солнечным золотом стёкла — Господи, какое это счастье, когда в окнах стёкла! Местами ещё пустые глазницы окон, или затянуты плёнкой, или заколочены, но в целом — целые окна, и только тут понимаешь, как это много и до чего хорошо! Я не влюбилась — влюблённость предполагает поверхностное и возможность разлюбить. Я полюбила Луганск сразу же глубоко, насовсем, без вариантов расхотеть и передумать. Абрикосы ещё не цвели, розы тоже, город не очаровал меня вешним или летним флёром. Обычно ранняя донбасская весна чуть запаздывала, было холодновато. А я не могла налюбоваться, смотрела, смотрела, смотрела — и радовалась!

Во время этой прогулки и всех зрелищных прогулок-экскурсий, которые Галина мне подарила, я глядела во все глаза, изумлялась, наслаждалась. Галину удивлял мой восторг, а я повторяла: «Посмотрите на город, на людей — вы уже не выживаете, а полноценно живёте, уже преодолели и поднимаетесь, и поднимаетесь крепко и высоко». Какое же счастье видеть красивых ухоженных женщин — да, на их лицах отпечатались годы прилётов, страха за близких, тяжелейшего выживания, но морщины уже разглаживаются. Это особые лица — как у бойцов, как у Миши, лица людей, которые вынужденно раньше времени постарели, долго жили в невоз-

можности расслабиться, в постоянном ужасе, а теперь учатся улыбаться и быть уверенными и счастливыми. В Луганске вообще много счастья — живого, простого, настоящего, растущего.

Когда я первый раз пришла на железнодорожный вокзал — новый (в прошлом году построили), великолепный, светлый, в красивом ландшафтном обрамлении, — он сразу стал одним из моих любимых мест, я пришла по делу, но залипла и долго обходила здание, любовалась с разных ракурсов. И когда мне нужно было уходить, спросила где остановка. «Та возле танков», — показали мне рукой. У меня вырвался испуганный вопрос: «Зачем здесь танки?!» — «Та это памятник, боевая техника». Очень по-лугански — рядом с вокзалом и простор, и цветы, и танки. А рядом с танками — конечная автобусов. Пока ещё в большинстве своём измождённых, потрёпанных, но с любовью залатанных тканью, досками и разными материалами. И когда на этой стоянке отважного транспорта отважных людей я увидела автобусы, на переднем стекле которых красовалась маршрутная панель с надписью «Луганск — Счастье», я поняла, как будет называться глава про Луганск. Потому что это не только про рейс в город Счастье Счастьенского района ЛНР. Это вообще про Луганск. Луганск — счастье!

***

Через три недели после моего отъезда Луганск обстреля-

ли. Стреляли в машиностроительный завод. Как Маша в 6 лет говорила: «Когда бомбы летят к нам — со свистом». И вот просвистели опять... Я вспомнила громадные снаряды в Луганском музее — увидев их, я не могла ночью спать, никогда раньше не представляла, что могут быть такого размера, у меня в доме такое расстояние между подъездами, как этот снаряд…

Вспомнила, как ополченцы, которые с 2014-го и до сих пор, мне сказали: «Мы никуда отсюда не уйдём. Мы будем здесь».

***

Донбассные школы — идеальный пример как должны охраняться учебные заведения. Во-первых, они все закрыты, просто так не войдёшь, даже если ты родитель. Во-вторых, на входе минимум двое вооружённых мужчин в форме, внимательно проверяющих документы — нужно предварительное разрешение директора на посещение, и сопровождающий педагог, в одиночку разгуливать по школе посторонним нельзя. Детей на Донбассе тщательно оберегают, и я каждый раз загадываю желание, чтобы по всей России меры безопасности соблюдали не хуже. Большая Россия, как её здесь называют, в большинстве своём словно не осознаёт, что идёт война и нужно быть настороже повсеместно.

Меня встречают и завуч знакомит со школой. Машина

времени снова — моя барнаульская школа, хоть и была самой престижной в крае, с целым этажом лингафонных кабинетов, располагалась в стареньком здании, в котором в войну была эвакуированная из Ленинграда фабрика, и как ни замазывали косметическими ремонтами, а штукатурка порой падала со стен и потолка большими кусками. Это потом школа переехала в новую типовую с современным стадионом, и претензией стало «фу, она без бассейна». А в моём детстве мой первый школьный дом был почтенного возраста, ветхий, его подновляли, но этим трём тысячам метров требовался капитальный ремонт; впоследствии там разместили художественную школу, «английский» четвёрный этаж сделали галереей, и перестроили всё. Я училась в различных школах, сын тоже, но мой первый опыт, импринтинг, запечатлел именно потрёпанный внешний вид. Это нисколько не портило качество образования, до революции моя школа была гимназией и историческая память сохранилась, нас учили соответствовать высокому уровню при любых обстоятельствах, и мы соответствовали. С тех пор я не встречала настолько усталых зданий, и вдруг — здравствуй, дом, милый дом. Привет из перестроечного детства. Но моя школа готовилась к переезду и её не было смысла ремонтировать. А в луганской школе причины другие — просторная, в лучших советских традициях, школа ещё не полностью после обстрелов восстановлена, и я понимаю, что это не только трудно и дорого, но и гарантий ведь не было, что снова не разрушат.

Но школа ухожена, украшена рисунками, выставками, и очевидно любима детьми и учителями. Завуч проводит меня по коридорам, с гордостью показывает работы учащихся, на Донбассе учителя знают каждого ребёнка как родного, а ученики живут в школе, для них она целый мир. Потому что здесь было время без школ, из-за войны. Когда учителя не знали, кто из детей вернётся в класс после вынужденных военных «каникул», после которых радовались до слёз, обнимая всех, кто пришёл...

Я приехала на мероприятие немного раньше, чтобы осмотреться на месте. У нас есть время поговорить, завуч проводит экскурсию и между делом рассказывает естественные для Луганска душедробительные истории. «Маше было 6 лет, играла с детьми во дворе, бабушка ей кричит: «Маша, бегом в подъезд!». А она отвечает: «Бабушка, я не пойду. Это наши стреляют, свиста же нет. Когда стреляют по нам — со свистом!». И подобные мемуары у каждого ребёнка. Что я могу этим детям сказать, чему их научить, если их жизненный опыт гораздо страшней моего?

Моя первая встреча с донбасскими детьми — и все последующие встречи укрепили это впечатление, — самые благовоспитанные школьники из всех, кого я видела, самостоятельные, цельные. Я смотрю на этих детей, они будущее,

и радуюсь, что такое будущее хорошее. Они задают вопросы по моим книгам и о моей жизни. Я, как всегда, отвечаю без скидок на возраст, что-то поймут сейчас, что-то «на вырост» с собой унесут. Вопросов много, беседуем долго. Я недовольна собой, а дети вроде довольны. Говорю с ними и чувствую, что вернусь отсюда совсем другим человеком и буду жить по-другому.

Через час музыкальная пауза — одна девочка мечтала попасть на встречу со мной, но не смогла, заболела, и передала мне видеоподарок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.